

critique par Kant, Nitzsche et Heidegger. — In: San Tomasso e il pensiero moderno, Roma, 1974, S. 257—283.

³⁷ Henrici P. Saint Thomas apres Kant? — «Gregorianum», Roma, 1975, T. 56, S. 163—168.

³⁸ См.: Гулыга А. В. Кант сегодня. — В кн.: Трактаты и письма, М., 1980, с. 37—38.

³⁹ Tews ad se G. Die aufsteigende Triade und der Begriff des Aufhebens in der «Kritik der reinen Vernunft». Akten des 5. International Kant-Kongresses... T. 1, S. 579.

Б. В. Емельянов, З. А. Каменский

КАНТ В РОССИИ

(Аналитический обзор литературы 1974—1984 годов)

Советское кантоведение в период, предшествующий интересующему нас в этом обзоре, характеризовалось существенной эволюцией. Она состояла в том, что анализ философии Канта переходил от одностороннего негативизма и критицизма к более адекватной ее оценке, более разностороннему ее рассмотрению, к тому, чтобы оценить теоретически и исторически позитивные моменты этой философии.

Было обращено также внимание и на то, что подход классиков марксизма-ленинизма к философии Канта именно и был таким всесторонним. Они критиковали идеализм и противоречивость философии Канта, но в то же время Маркс называл ее немецкой теорией французской революции¹. Энгельс включал Канта в число тех представителей немецкого классического идеализма, которые были философскими предшественниками марксизма². Ленин критиковал Плеханова за однородность в трактовке философии Канта, за то, что Плеханов смотрел на нее «более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения»³.

Перелом в оценках в отношении к философии Канта был закреплён и обобщен в ряде работ и в особенности в коллективном труде «Философия Канта и современность» (М., 1974). Он выразился также и в бурном росте публикаций. Если, по данным Т. И. Ойзермана, до 1974 г., т. е. за 57 лет, в СССР на русском языке было напечатано более 200 работ о Канте⁴, то по данным двух далеко не полных библиографий, составленных Б. В. Емельяновым, В. А. Жучковым, В. М. Зверевым и Л. А. Калининковым, за 8 лет, с 1974 по 1982 гг., их было опубликовано более 300. Среднегодовое количество публикаций выросло более чем в 12 раз!

Вся эта ситуация, свойственная советскому кантоведению в целом, была характерна и для того его участка, который интересует нас в этом обзоре, — для литературы о судьбах философии Канта на русской почве с конца XVIII и до 30-х годов XIX в. включительно — тема, которая обсуждалась или была затронута в 1974—1984 гг. более чем в 40 работах.

В соответствии с общим отношением к философии Канта в предшествующей, отнюдь не обширной литературе, вопрос этот рассматривался по преимуществу в негативном плане. Изучалась критика Канта русской философией. И само по себе изучение этого аспекта темы «Кант в России» имело все права на существование. Действительно, уже с самого начала проникновения философии Канта в Россию к ней сложилось критическое отношение. Беда была не в том, что изучалась эта сторона темы, а в том, что оставался в тени, надлежащим образом не изучался вопрос о том, как *способствовала* философия Канта развитию передовой русской философской мысли. В этом отношении в советском кантоведении того времени были нарушены исторически существовавшие пропорции.

Названная обобщающая работа советских историков философии внесла коррективы и в эту область кантоведения. Хронологически исходное для этого периода обобщение предшествующих исследований проблемы «Кант в России» заключалось в следующем.

Поскольку философия Канта противоречива и поскольку структура русской философской мысли была сложной, неоднородной, взаимодействия этих составляющих также порождало многозначную структуру. Философии Канта были присущи как идеалистические, субъективистские, априористические и агностические моменты, так и идеи и концепции, дававшие возможность направить философию по пути плодотворных исследований во всех областях этой науки. Здесь, прежде всего, должна быть подчеркнута общая методологическая установка (свойственная особенно теории «чистого разума»), согласно которой все объекты этой области и присущие ей закономерности суть естественные, подлежащие поэтому имманентному рассмотрению, изучению вне всяких воздействий потусторонних, сверхъестественных сил. Эта установка имела особенное значение для раскрепощения, эмансипации русской мысли от опутывающих ее сетей религиозности, мистицизма, креационизма официальной, феодальной по своей социальной сущности идеологии. Сюда же должны быть отнесены диалектические тенденции философии Канта, ее просветительское, подчас демократическое направление в области общественнознания, именно и давшее основание Марксу охарактеризовать философию Канта вышеприведенным образом.

Что же касается структуры русской общественной мысли, то основными ее элементами были: во-первых, официальная идеология (в свою очередь состоявшая из клерикальной и светской подгрупп) и, во-вторых, противостоявшая ей идеология Просвещения и дворянской революционности. Философия Просвещения также была неоднородна, в ее пределах выявляются деистически-материалистическая и диалектико-идеалистическая школы.

Разумеется, что взаимодействие различных школ, сложившихся в русской философской мысли первых трех-четыре десятилетий XIX в., с различными сторонами и концепциями философии Канта, давало целую гамму, широкий диапазон своеобразных построений, оценок, восприятий, негаций и позитивных конструкций. Картина, характеризующая освоение русской философской мыслью этого времени философии Канта, получалась весьма пестрой и многосложной.

Она и была нарисована в упомянутом исходном обобщении⁵. Дальнейший ход исследований проблемы «Кант в России» шел по разным направлениям, углубляя и расширяя ее сферу, характерную для предшествующего периода.

Несколько схематизируя материал и картину опубликованных на эту тему за последнее десятилетие работ, мы можем наметить следующие, отчасти пересекающиеся направления этих исследований: проблемы, фигуры (персоналии), регионы, публикации и анализ публикуемых документов, библиографические указатели, архивные разыскания без публикации их результатов.

Что касается проблемного аспекта, то приходится с сожалением констатировать, что в чистом виде это важнейшее направление не привлекло к себе достаточного внимания. В сущности, лишь одна работа: В. И. Синютин. «Влияние идей Канта на философию истории России в первой половине XIX века» — написана в этом жанре⁶.

Впрочем, известную компенсацию мы получаем в работах, выполненных в жанре индивидуальных характеристик, в котором неизбежно обсуждение проблемное, и в жанре характеристик региональных — при освещении воздействия теоретического наследия Канта на развитие философии в различных частях тогдашней России. Индивидуальные и региональные характеристики тесно переплетаются по материалу не только с проблемными, но и между собой, ибо изучение распространения идей Канта в какой-либо из теперешних союзных республик, в городе, университете и т. п. неизбежно содержало рассмотрение проблем и характеристику тех или иных представителей философской мысли.

За эти годы были опубликованы работы о распространении идей Канта в Армении, Грузии, Литве, Латвии, Эстонии (в Тартуском университете), на Украине (в Харьковском университете), в Белоруссии, в Москве, Петербурге и некоторых других городах Российской империи. Объем и содержание этих работ разнообразны. В некоторых из них, как например, в статье Д. М. Гринишина и В. А. Жучкова⁷ или в книге Г. В. Тевзадзе⁸ и др., имеются лишь упоминания отдельных фактов обращения отечественных мыслителей к философии Канта; в других, посвященных, к примеру, истории развития фило-

софской мысли в Московском⁹ или Тартуском¹⁰ университетах, информации о восприятии идей Канта в них уже в несколько раз больше, но сообщается она опять-таки без какого-либо анализа.

Наконец, имеются специальные работы на эту тему. Большим вниманием к ней отмечены исследования историков философии Украины. Уже в начале рассматриваемого периода этой теме посвящена аналитическая статья А. А. Пашковой «Кант и философия на Украине начала XIX века»¹¹. В монографии И. Иваньо «Очерк развития эстетической мысли Украины» (1981) прослежена судьба идей Канта в развитии украинской эстетической мысли в 1-й половине XIX в. Несколько эпизодов борьбы с философией Канта проанализировано в коллективной монографии «Философская мысль в Киеве» (1982). Эти работы существенно дополняет З. А. Каменский во вступительных статьях к публикациям диссертаций харьковских учеников профессора Шада¹².

Несколько работ об освоении философского наследия Канта напечатано в Белоруссии. Две из них принадлежат Н. Н. Мохнач. В своей книге «От Просвещения к революционному демократизму» (Минск, 1976) автор нарисовал картину большого интереса белорусских, литовских и польских философов к идеям Канта. Один из эпизодов более обстоятельно изложен в главе «Филоматы и философия Канта» в коллективной монографии «Идеи материализма и диалектики в Белоруссии» (Минск, 1980). Наконец, ценную информацию о распространении идей Канта в Белоруссии содержит статья А. С. Клевчени¹³.

Белорусские, польские и литовские историки философии при исследовании судеб философии Канта на территории их республик испытывают трудности при определении национальной принадлежности некоторых философов — сторонников или противников Канта. Именно этим объясняется то, что многие факты и персоналии, указанные в названных работах белорусских историков философии, мы встречаем у их литовских коллег, например, в работах Б. К. Гензелиса¹⁴.

При анализе воздействия Канта на развитие философии в различных частях тогдашней Российской империи в сферу внимания историков философии попали многочисленные представители философской мысли народов, населяющих нашу страну. Здесь невозможно даже и перечислить всех. Ограничимся теми, которым посвящены отдельные работы или разделы в общих работах. К первому роду относятся публикации Л. В. Полякова о И. Д. Якушкине¹⁵, А. З. Дмитровского о В. Г. Белинском¹⁶, З. А. Каменского о Н. В. Станкевиче¹⁷, В. Андросове¹⁸, И. Любачинском¹⁹, И. Гриневиче²⁰, Г. Гесс де Кальве и А. Дудровиче²¹.

Круг публикаций второго рода более обширен. В них встречаются имена Н. М. Карамзина²², И. М. Муравьева-Апостола,

А. И. Галича, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина²³, Н. И. Надеждина²⁴, Довгирда²⁵ и многих других. У нас, разумеется, нет возможности говорить здесь о том богатстве материала, подчас совершенно новом, который привносят в рассмотрение нашей темы эти многочисленные публикации. Но каждая из них важна и должна быть учтена именно в силу содержащейся в ней новой информации. Приведем лишь два примера. Н. Н. Мохнач, изучая деятельность ярого поклонника Канта филомата Ю. Ежовского, обратила внимание на его переписку с А. Мицкевичем, который, как выяснилось, тоже интересовался философией Канта и «эстетикой кантовской школы». В результате 4 февраля 1819 г. А. Мицкевич на заседании общества филоматов сделал сообщение о главных принципах философии Канта²⁶.

В 1828—1836 гг. в далеком Пелыме, на севере Тобольской губернии, ссыльный декабрист Бригген изучал Канта. Его привлекало осуждение немецким философом феодального абсолютизма. Он даже замыслил написать исследование «Изложение главнейших истин критической философии с дополнениями и улучшениями новейших ее исследователей для непосвященных». Эту мысль он не оставил и десять лет спустя, предполагая написать «Очерк философии Канта и главнейшие ее результаты»²⁷. Приверженность кантовской философии Бригген сохранил до конца жизни, о чем находим свидетельство в дневниковой записи В. Кюхельбеккера 18 декабря 1845 г.: «...здесь есть некто (Бригген — *авт.*), твердо уверенный, что обратит меня в виландо-кантовский немецкий индеферентизм 1770-х годов, а если ему не удастся, он, вероятно, провозгласит меня ханжой, лицемером или глупцом»²⁸.

Во всех этих многочисленных публикациях 1974—1984 гг. ранее выдвинутое обобщение, а именно: утверждение, что интерпретация философского наследия Канта была двойственной, что идеи Канта использовались для построения различных концепций русской просветительской философии, а другие подвергались его критике, что позитивная интерпретация была свойственной философии Просвещения, а критике осуществляли и Просвещение, и официальная религиозная философия, но с диаметрально противоположными целями, — это обобщение было развито, конкретизировано, обосновано. Приведем лишь несколько выдержек по этому поводу. А. Дмитриевский, выступивший в эти годы с двумя работами на интересующую нас тему, считает необходимым «подчеркнуть общий демократический, антифеодальный аспект, в котором воспринималась философия Канта передовыми русскими людьми в конце XVIII — начале XIX вв.»²⁹. Подтверждение этого мы находим в книге А. Ф. Замалеева «М. А. Фонвизин», в которой автор утверждает, что «принцип автономности морали, провозглашенный Кантом, позволил ему (М. А. Фонвизину — *авт.*) сделать вывод

о том, что истинная моральная свобода может быть достигнута человеком лишь путем решительного освобождения «от всего призрачного и пошлого», господствующего в деспотическом государстве. Фонвизин революционизировал кантовский принцип, придал ему радикально-политический характер, превратил в орудие теоретической критики российской социальной действительности, ее феодально-крепостнических порядков. Обращение Фонвизина к Канту примечательно тем, что оно, свидетельствуя до некоторой степени о его неудовлетворенности раннехристианской идеологией, было в то же время едва ли не единственным в России опытом применения его этических воззрений в революционных целях»³⁰.

По исследованию Б. Гензелиса, профессор Вильнюсского университета И. Абихт использовал идеи Канта для критики сословных привилегий, для отстаивания равенства между всеми гражданами³¹. Выдающиеся представители литовской культуры начала XIX в. К. Милкус (по-видимому, находившийся в личном контакте с Кантом) и Л. Реза испытали сильное воздействие Канта, у которого Л. Реза, как пишет Б. Гензелис, «частично заимствовал этическую концепцию». На Л. Резу «оказали сильное влияние социальные взгляды Канта»³². Давая общую характеристику воздействия философии Канта на территории теперешней Эстонии в начале XIX в., Р. Руутсоо пишет, что «теория познания Канта, его этика и эстетика, акцентировавшие активный характер человеческого познания, оказывали положительное влияние на развитие науки». «В первые десятилетия XIX века,— пишет этот автор,— в Тарту доминировала философия Канта», дававшая теоретическое обоснование «просветительской традиции»³³. Интереснейшие и в значительной мере ранее неизвестные биографические сведения о Канте и его связях с латвийскими издателями, главным образом рижскими, приводит в своем детальном скрупулезном исследовании Я. Страдынь³⁴. В публикациях последних лет было показано, как плодотворно было воздействие Канта на русских мыслителей Станкевича, Белинского, Бакунина и др.

Все это не означает, конечно, что литература 1974—1984 гг. не уделила должного внимания тому, как просветительная философия в России критиковала некоторые стороны и идеи философии Канта.

Прежде чем мы приведем несколько выдержек и по этому поводу, укажем еще на один из названных выше аспектов изучения интересующей нас темы — на публикации документов. В эти годы были либо обнаружены, либо впервые опубликованы важнейшие и ценные документы, связанные как с самим Кантом, так и с распространением его учения в России. Сюда следует отнести публикации А. В. Гулыги об избрании Канта иностранным членом Петербургской Академии наук³⁵, письма Канта к А. М. Белосельскому с оценкой сочинения этого дото-

ле неизвестного в советской литературе русского мыслителя³⁶, совместную публикацию Л. Н. Столовича и Х. Л. Танклера о документах, хранящихся в Гартуском университете³⁷. Последние по времени счастливые находки кантовских текстов и их публикация принадлежат Л. Н. Столовичу: это публикация автографа Канта³⁸ и латинской рукописи его выступления в качестве оппонента диссертации И. Г. Крейцфельда³⁹. Б. Гензелис опубликовал в переводе на русский язык (перевод А. Гайлюса) «Дружеское дополнение» Канта — его «последнюю самостоятельную работу» из «Литовско-немецкого и немецко-литовского словаря» 1800 г.⁴⁰.

Начавшаяся в последнее десятилетие публикация источников по истории русской общественной мысли захватила в свою орбиту источники, характеризующие отношение русских мыслителей к Канту. Этот круг источников достаточно обширен, поэтому укажем лишь на некоторые характерные публикации этого рода. В двухтомной антологии «Русские эстетические трактаты первой трети XIX века» (М., 1974. Вступительная статья З. А. Каменского) напечатаны работы русских эстетиков П. Е. Георгиевского, И. П. Войцеховича, А. П. Гевлича и других, в которых прослеживается влияние идей Канта. Впервые в СССР переизданы некоторые работы и письма Н. В. Станкевича (Избранное. М., 1982), И. В. Киреевского (Критика и эстетика. М., 1979), Н. М. Карамзина (Избранные статьи и письма. М., 1982) и Письма русского путешественника. М., 1983), содержащие документы, характеризующие отношение их авторов к Канту. Особо следует сказать об издающейся в Иркутске серии «Полярная звезда», в которой публикуются произведения и эпистолярное наследие декабристов. Здесь, в частности, в 1982 г. впервые полно и комментированно изданы «Обозрение истории философских систем» и «Классификация наук» М. А. Фонвизина, в которых зафиксировано отношение декабриста к философии Канта. Наконец, сюда же следует отнести первую на русском языке публикацию диссертаций аспирантов школы профессора И. Шада, сложившейся в Харьковском университете в середине 10-х годов XIX в., о чем мы еще будем говорить.

Так вот в совокупности исследований и публикаций документов в 1974—1984 гг. проблеме *критики философии Канта* в России было уделено немалое внимание. Можно даже сказать, что за это время по сравнению с предшествующим периодом многие характеристики этой критики были уточнены и углублены.

В этом отношении интересны изыскания Б. Гензелиса о критике Г. Форстером, сотрудничавшим в Вильнюсском университете, Кантовой концепции происхождения человеческих рас, по поводу чего между Г. Форстером и Кантом возникла полемика. В целом, по мнению Б. Гензелиса, «сторонники философии Про-

свещения (имеется в виду Вильнюсский университет 80-х годов XVIII в.— *авт.*) отнеслись критически к философии Канта»⁴¹. Рассматривая критику Канта в Вильнюсском университете начала XIX в., Д. Клевचना показал, что вел «ее с позиций философии Просвещения» Я. Снедецкий, хотя он делал это слишком прямолинейно, «не видел положительных моментов в философии Канта, его диалектики постановки и попытки обоснования активности субъекта, роли логических средств познания». Более тонко, внимательно и адекватно, но тоже критически отнесясь, по мнению того же исследователя, к философии Канта А. Довгирд (Даугирдас), хотя и он многое не понял в идеях Канта⁴².

Хотелось бы сказать несколько подробнее о критике Канта харьковской школой И. Шада, анализ которой связан, как мы уже отметили, с публикацией новых и весьма интересных документов.

Еще дореволюционные исследователи начали изучать эту школу и сделали в этом отношении немало. Уже тогда было установлено, что вокруг немецкого философа И. Шада, приглашенного в Харьковский университет в 1804 г. и преподававшего в нем до 1816 г., сгруппировались молодые люди, которые под его руководством подготовили и защитили диссертации. Речь шла о семи таких диссертациях. Все они по тогдашним правилам были написаны и напечатаны в университетской типографии по латыни. Дореволюционные исследователи изучили некоторые из этих диссертаций и изложили результаты своих изысканий. Однако до последнего времени мы вынуждены были принимать на веру эти результаты (в том числе и сведения о их количестве), так как диссертации эти были труднодоступны для нового изучения и потому, что были напечатаны по латыни, и потому, что получить их в руки оказалось чрезвычайно затруднительным. Так, в Москве нам удалось разыскать лишь одну из них. Были предприняты соответствующие поиски и установлено, что в хранилищах Москвы, Ленинграда, Тарту и Харькова имеются все семь (а может быть, даже и восемь) диссертаций. Наше внимание привлекло в них то обстоятельство, что почти все они содержат критику философии Канта. Это дало нам основание публиковать их в переводе на русский язык (осуществленном научным сотрудником Института философии АН СССР А. А. Столяровым) в «Кантовском сборнике». Четыре из них уже напечатаны (Любачинского, Гриневича, Гесса де Кальвэ и Дудровича); в одной (Г. Хлапониной) не обнаруживается достаточного материала, связанного с философией Канта, и потому мы не публиковали ее; две (П. Ковалевского и П. Бразоля) готовятся к печати. Не исключено, что перу П. Ковалевского принадлежат две, а не одна, диссертации и что вторая из них, т. е. восьмая по общему счету, хранится в библиотеке Харьковского университета. Мы не теряем надежды

ознакомиться с ней и, если в ней окажутся материалы, характеризующие отношение к философии Канта, опубликовать и ее в переводе на русский язык.

Не будем сейчас говорить о том, как и за что критиковали ученики профессора Шада философию Канта — это сделано в комментариях к публикациям четырех диссертаций. Мы только хотим отметить, что общая позиция самого Шада и его русских учеников была в основном шеллингианской, так что критика Канта велась ими с позиций объективного диалектического идеализма, что представляет собой своеобразный и интересный для анализа нюанс в картине критики философии Канта на русской почве, поскольку в основном эта критика осуществлялась в России того времени с позиций метафизической деистическо-материалистической философии. Думается, что здесь вырисовывается интересная проблема, рассмотрение которой существенно обогатит картину развития философии в России этого времени, и мы надеемся, что публикация названных диссертаций привлечет к теме «Иоганн Шад и его харьковская школа» внимание молодых историков отечественной философии.

И, наконец, еще о двух аспектах изучения литературой последнего десятилетия темы «Кант в России» — о библиографии и об изучении архивных материалов (без их публикаций).

Как уже было сказано, за это десятилетие появилось два библиографических обзора советской кантианы, охватывающих в совокупности литературу 1974—1982 гг., а также весьма существенные дополнения к известной ранее кантиане 1800—1917 гг. Это чрезвычайно отрадное явление, и вряд ли какая-нибудь другая отрасль нашей историко-философской науки, да и философии вообще, может похвастаться такой интенсивной библиографической обработкой, которая, как мы надеемся, будет продолжена. Этим результатам мы обязаны не только энтузиазму названных уже составителей этих обзоров, но и существованию наших «Кантовских сборников». Думается, что и обилием, и специализированностью наших кантоведческих публикаций, обилием, которым также вряд ли может похвалиться какая-либо другая отрасль нашей философской литературы, мы обязаны именно «Кантовским сборникам», дающим возможность публиковать ежегодно и в собранном виде результаты наших работ по изучению философии Канта.

Оба обзора имеют ряд недостатков: они не сопровождаются систематическими указателями, строятся по алфавиту авторов. Это затрудняет пользование ими при работе тематической, как, например, при желании обзреть работы по теме «Кант в России». Чем дальше мы будем вести эту библиографию, чем обширнее она будет, тем труднее будет в ней ориентироваться без указателей, в частности, выбрать из нее нужный для обработки различных тем комплекс публикаций. Затрудняет пользование

этими библиографическими сведениями и отсутствие росписи сборников по фамилиям авторов входящих в них глав и статей. Кстати, отсутствие такой росписи уменьшает количественную характеристику публикаций, поскольку такие сборники, включающие лишь множество работ на самые разные темы, обозначаются лишь одним номером. Поэтому и подсчитанное по этим двум библиографиям количество публикаций по советской кантиане (около 300 названий) должно считаться преуменьшенным.

К числу весьма ценных библиографических обзоров, посвященных теме «Кант в России», относится упомянутая выше «Русская кантиана 1800—1917 годов»⁴³, подготовленная В. М. Зверевым и Б. В. Емельяновым. Необходимость и ценность этого обзора состоит, помимо прочего, в наукометрическом анализе, который сопровождает эту библиографию и который редко проводится нашими библиографами.

Эти же два автора рассмотрели тему «Кант в России» и под последним из тех модусов, под которым мы характеризуем литературу по этой теме. Это — анализ материалов, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда. К такому же роду относятся уже упоминавшиеся материалы о рукописном наследстве Канта в Тартуском университете, которые публиковали А. В. Гулыга, Л. Н. Столович и Х. Л. Танклер.

Таковы некоторые, отнюдь не исчерпывающие, итоги работы советского кантоведения по теме «Кант в России». Поработали мы немало и неплохо, но предстоит сделать еще больше и еще лучше.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 184.

² Там же, т. 19, с. 323.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 161.

⁴ Ойзерман Т. И. Введение. — В кн.: *Философия Канта и современность*. М., 1974, с. 16.

⁵ Каменский З. А. Кант в России (конец XVIII — первая четверть XIX в.). — Там же, с. 289—328.

⁶ Синютин В. И. Влияние идей Канта на философию истории России в первой половине XIX века. — В кн.: *Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта*. Калининград, 1975. Вып. 1, с. 111—117.

⁷ Гришин Д. М., Жучков В. А. Советское кантоведение сегодня: итоги, проблемы, перспективы. — Там же, Калининград, 1978. Вып. 3, с. 12.

⁸ Тевзадзе Г. В. Иммануил Кант. Тбилиси, 1979, с. 7.

⁹ Шипанов И. Я. Философия в Московском университете в досоветский период. — В кн.: *История философской мысли в Московском университете*. М., 1982. Ранее: *Вестн. МГУ. Серия 7. Философия*. 1979, № 6; 1980, № 1, 6; 1981, № 1.

¹⁰ Руутсоо Р. Философия. Роль Тартуского университета... 1632—1982. Таллин, 1982, с. 96.

¹¹ Пашкова А. А. Кант и философия на Украине начала XIX века. — В кн.: *Критические очерки по философии Канта*. Киев, 1975.

¹² Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6; 1982. Вып. 7; 1984, Вып. 9.

¹³ Клевченя А. С. Философские идеи Канта в Белоруссии. — *Вестник Белорусского университета*, 1981. Сер. 3, № 1.

¹⁴ Гензелис Б. К. Кант и литовская культура. — В кн.: *«Критика чи-*

стого разума» Канта и современность. Рига, 1984, с. 224—235. (Впервые в Кантовском сборнике. Калининград, 1981. Вып. 6).

¹⁵ Поляков Л. В. Русский некантианец (Кант и И. Д. Якушкин. К вопросу о формах влияния в истории философии). — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1982. Вып. 7, с. 89—104.

¹⁶ Дмитровский А. З. Белинский и Кант. — Там же. Калининград, 1983. Вып. 8, с. 105—113.

¹⁷ Каменский З. А. Николай Станкевич и Иммануил Кант. — Там же, с. 100—105: Он же. Московский кружок Любомудров. М., 1980.

¹⁸ Каменский З. А. Poleмика по поводу философии И. Канта. (Комментарии к публикациям работ Я. Снядецкого и В. А. Андросова). — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979. Вып. 4.

¹⁹ Каменский З. А. (Комментарии к публикации диссертации И. Любачинского). — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6.

²⁰ Каменский З. А. (Комментарии к публикации диссертации И. Гриневича). — Там же. Калининград, 1982. Вып. 7.

²¹ Каменский З. А. Комментарии к публикации диссертации Гесс де Кальве. — Там же. Калининград, 1984. Вып. 9.

²² Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976; См. также: Кочеткова Л. Н. Формирование исторической концепции Карамзина — публициста и писателя. — В кн.: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981.

²³ Дмитровский А. З. Кант и русская общественная мысль в первой половине XIX века. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978. Вып. 3, с. 88—95.

²⁴ Каменский З. А. Н. И. Надеждин. М., 1984.

²⁵ Дорошевич Э. К. Естественнонаучные и материалистические идеи в философии А. Довгирда. — В кн.: Идеи материализма и диалектики в Белоруссии. Минск, 1984.

²⁶ Мохнач Н. Н. От Просвещения к революционному демократизму. Минск, 1976, с. 48—55.

²⁷ Тальская О. С. О переводческой деятельности декабристов в Сибири. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. Сб. 1, с. 83.

²⁸ См.: Большаков Л. Отыскал я книгу славную... Челябинск, 1983, с. 158.

²⁹ Дмитровский А. З. Кант и русская общественная мысль в первой половине XIX века. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978. Вып. 3, с. 89.

³⁰ Замалеев А. Ф. А. Фонвизин. М., 1976, с. 53—54.

³¹ Гензелис Б. К. И. Кант и философская мысль в Литве (конец XVIII — начало XIX в.). — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6, с. 89.

³² Там же, с. 92.

³³ Руутсоо Р. Философия. Роль Тартуского университета в развитии науки в XIX веке. — В кн.: История Тартуского университета. 1632—1982. Таллин, 1982, с. 96.

³⁴ Страдынь Я. П. О связях Иммануила Канта с Латвией. — В кн.: «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига, 1984.

³⁵ Гулыга А. В. И. Кант — член Петербургской Академии наук. — Вестн. АН СССР, 1974, № 7, с. 120—123.

³⁶ Гулыга А. В. Из забытого. — Наука и жизнь, 1977, № 3.

³⁷ Гулыга А. В., Столович Л. Н., Танклер Х. Л. О рукописном наследии Канта в Тартуском университете. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979. Вып. 4.

³⁸ Столович Л. Н. Автограф Иммануила Канта в Таллине. — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1983. Вып. 8.

³⁹ Столович Л. Н. Рукопись, найденная в Тарту. Эстетическое наследие

Иммануила Канта. — Лит. газ., 1984, 8 авг., с. 6. Другой вариант: Тартуская рукопись Канта. — Тартуский университет, 1984, 21 сент.

⁴⁰ Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6.

⁴¹ Гензелис Б. К. И. Кант и философская мысль в Литве (конец XVIII — начало XIX в.). — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6, с. 87.

⁴² Клевченя А. С. Философские идеи Канта в Белоруссии. — Вестн. Белорусского университета, 1981. Сер. 3, № 1, с. 25—27.

⁴³ Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979. Вып. 4.

И. С. Нарский, Л. А. Калининков

КАНТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ФРГ И ЕГО ЖУРНАЛ «KANT-STUDIEN»

(Информационные заметки)

Эти заметки, пожалуй, правомернее было бы назвать как раз наоборот: «Журнал «Kant-Studien» и его Кантовское общество». Во-первых, этот журнал возник раньше Общества, а во-вторых, в Обществе, возникшем ради организационной поддержки журнала, роль этого последнего в жизни Общества всегда была определяющей. Организационная роль печатного органа в жизни научных школ и направлений науковедом, кажется, специально почти не исследовалась, а ведь это вопрос чрезвычайно интересный даже с чисто практической точки зрения.

* * *

Создатель концепции так называемого фикционализма (его можно определить как особую разновидность неокантианства, близкую к прагматизму) профессор университетов в Страсбурге и Галле Ганс Файхингер (1852—1933) в 1896 г. основал журнал на волне наивысшего расцвета и широкого влияния неокантианства, имевшего место в конце XIX — начале XX вв. не только в Германии, но и в России и других странах Западной Европы. Усилия Г. Файхингера были поддержаны Адикесом, Дильтеем, Эрдманом, Куно Фишером, Рилем, Вильденбандом и другими видными немецкими философами тех лет. Первый номер журнала увидел свет в 1897 г. Г. Файхингер писал в нем, что призыв О. Либмана «Назад к Канту!» стал в те дни не только и не просто модным лозунгом, а насущным и оправданным требованием. Разумеется, это было так, если иметь в виду общие умонастроения господствовавших в буржуазной философии того времени направлений, течений и групп, близких к эмпириокритицизму, — умонастроения, представлявшие собой, по определению В. И. Ленина, «поворот от Канта к агностицизму и идеализму, к Юму и Беркли»¹, или более или менее откровенный иррационализм. Однако при наличии уже сложившейся философии диалектического материализма призыв этот